

В рубрике «Мастера искусств» редакция за последние годы публиковала целый ряд очерков о ведущих солистах театра — н. а. СССР И. Колпаковой, Б. Штоколове, н. а. РСФСР Г. Комлевой, В. Морозове, В. Киняеве. Сегодня мы рассказываем о творчестве народной артистки РСФСР А. Сизовой.

ТЕМА ТВОРЧЕСТВА

ПЕРВОЕ ЧУВСТВО, когда видишь Аллу Сизову на сцене или в жизни, это радость. Потом приходит восхищение, уважение к таланту, труду, душевной красоте...

Искусство Сизовой — редкое в своей органичности сочетание лиризма и жизнелюбности, психологической глубины и поэтического обаяния, мягкой кантилены и блеска виртуозности. Эти качества неразделимо существуют в танце балерины, представляют основу ее исполнительской манеры.

Не каждая танцовщица умеет в пластике создать образ, воплотить его в движении. У Сизовой при минимуме внешней актерской выразительности, мимической игры глубину чувств ее героинь всегда прочтываешь.

Балерина тяготеет к ролям с интересным характером, к балетам, где можно создать значительный образ. Такие партии ей ближе, чем танец, требующий отвлеченной поэтики.

Но в начале сценического пути, пожалуй, все было иначе. Балерину с прекрасными внешними и танцевальными данными увлекала прежде всего красота форм классического танца.

Техническая свобода исполнения, неотделимая у нее от чувства меры, художественный дар со временем позволили Сизовой найти и утвердить свое «я» в сложных партиях классического репертуара. Одни из них отличались незаурядностью, стали теми редчайшими золотниками, которые приходится на «сто пудов земли».

Такова Аврора. У Сизовой — это образ чистой, звонкой юности, целомудренной красоты. Виртуозность роли, выдвигаемая на первый план у многих исполнительниц, не стала для балерины самоцелью. Техническая сторона партии, как казалось, легко ей доступна, не уносила последние силы. Была возможность проследить и духовную жизнь танца.

Аврора Сизовой проходила путь эмоционального повзрелости. От полудетской мечтательности, простодушиности через юношескую сдержанность чувств к утверждению красоты жизненных начал.

Обобщенно выраженная в хореографии Петипа тема прекрасного у Сизовой обрела оттенки, прозвучала в разных регистрах танцевальной выразительности. Сверкали лучами утренней зари

пассажи стройных комбинаций, звучали гимном радости бытия, ожидания любви. В адажио обретали мягкость, светились поэзией глубокого чувства строгие линии упругого танца.

Что бы ни исполняла Сизова, в ее танце всегда ясно выражено гуманное начало, жизнелюбное, глубоко русское.

Как у танцовщицы по преимуществу лирической, в ее репертуаре неотъемлемы романтические партии. По своему интересному решению их сложилось не сразу.

«Шопеннана», сотканная из романтических грез, видится ей островком тихой, просветленной печали. Не напевная протяженность линий определяет здесь характер пластики Сизовой, а певучая легкость, полетность.

Как будто ее Сильфида и впрямь не окутает земного притяжения, так воздушны и как бы случайны ее партерные комбинации. Но сквозь пелену не реальности пробивается вполне реальное тепло чувств в кантилене мягких рук, наклонов головы. Сизова умеет с первых мгновений танца увлечь нас в мир образов своих героинь, поверить в неподкупную искренность благодаря той доверительной интонации, которая присуща ей в общении со зрителями.

Так, в «Жизели» сполна сопереживаешь драму обманутого откровения чувств ее героини. Свою партию балерина строит на полутонах, нюансах эмоций, чувствований. Без тени кокетства нейзанки проводит она первые сцены, осторожно, но искренне доверяясь Альберту.

Поэтическими строфами звучат ее думы, где каждая танцевальная фраза пронизана единым дыханием. Это непрерывно льющееся движение балерина умеет высветить изнутри особой одухотворенностью, воплощая собой идею женственности.

Понимаешь, что это нежное, доверчивое существо не может сразу переродиться в отвлеченный идеал потустороннего мира. Во втором акте героиня Сизовой является Альберту такой же преданной, по-земному чувствующей, какой сохранит она в мечтах. Только линии тела, обретая протяженность, уводят нас в идеальный мир, звучат навсегда ускользнувшей мечтой.

«Божий дар» балерины — высокий полетный прыжок в романтических партиях дает неожиданный эффект. Полетность у нее разряжает воздух романтической экзальтации. Прыжок тан-

цовщицы воплощает здесь жизненные начала. Основой же образа становится скорее несбывшаяся реальность, чем недоступный идеал.

Все ее роли можно объединить ведущей темой — идеала красоты души русской женщины. Эта тема исподволь присутствует во всех основных созданиях балерины, изнутри озаряет ее самых разных героинь. Но Катерина в «Каменном цветке» тут обретает особый смысл. Характер пластички, образная структура роли идеально соединились здесь с индивидуальностью балерины.

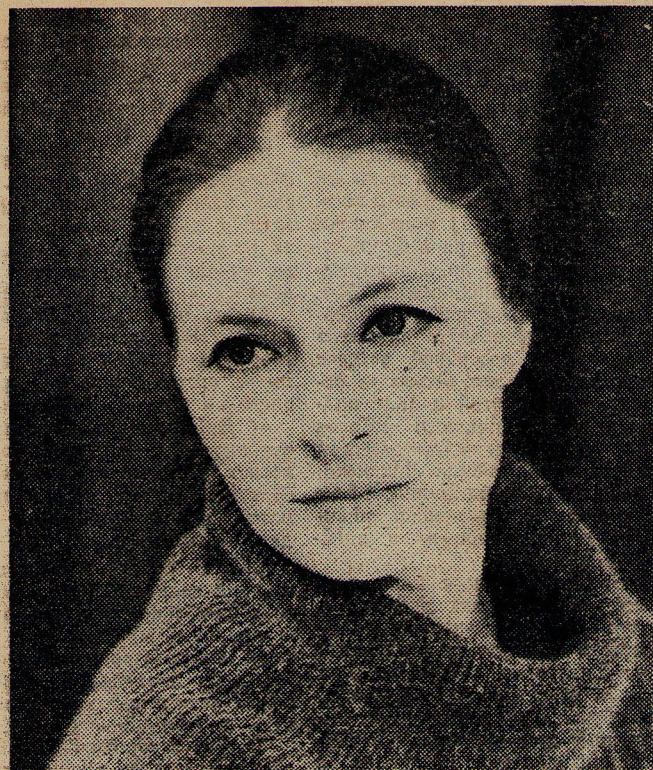
Когда героиня — личность, у танцовщицы есть возможность проследить ее эволюцию, прожить целую жизнь в небольшом отрезке сценического времени. Сизова эту жизнь проживает. Глубоко, взволнованно, и вместе с тем скромно, незаметно. Не только в общем движении танца можно уловить строй мысли и чувств ее Катерины. Ими наполнен каждый жест, осмыслен любой поворот, неслучайны паузы. Тонкий, исконно русский лиризм светится в напевной пластике с элементами хоровода, народного пляса. Лиризм, далекий от миловидной мягкости. В нем — цельность натуры, не знающей отступлений, готовый на самопожертвование, характер мужественный, стойкий. Не о себе заботится Екатерина Сизовой, когда отправляется к Хозяйке Медной горы за Даниилом.

Едва уловимы интонации танца-исповеди. Неброска его красота. То льется тихой песней, то струится родниковыми ручьями, как бы воплощая собой живую природу.

Катерина — по-настоящему большая удача балерины. Хореография Григоровича для многих танцовщиц стала благодатной почвой расцвета и роста индивидуальности. Алла Сизова в их числе. Образ Катерины оттачивался годами. И хотя личностное начало всегда было велико в ее ролях, теперь, в пору зрелого мастерства, особыми удачами балерины представляются партии, которые близки ей как человеку, близки исполнительской индивидуальности.

Среди них остается и Девушка в «Ленинградской симфонии». Роль, впервые создаваемая под руководством балетмейстера И. Бельского, интересна своей самостоятельностью. Образ восторженной юности, загубленной врагом, прозвучал у Сизовой драматично. Драматизм читался не в экспрессии чувств, а в их лиризме, мягкой поэзии, и там, где танец лился в безмятежной свободе, и где он протестовал, загибаясь добрыми началами.

Роли, создаваемые вместе с

балетмейстерами, балерине особенно дороги, в этом ряду и прежде, блистает техникой танца, сохраняя в то же время мягкие краски выразительности, незаметно переплетая прыжковые и партерные комбинации. Стремление вывies кажется для танцовщицы безграничным, как безграничны и ее возможности излучать в танце радость.

Истоки этой радости не в благополучии. Сизова — балерина с нелегкой творческой биографией. Не всегда гладко было в ее сценической судьбе. Преследовали травмы. Приходилось снова и снова мучительно долго бороться за звание балерины, преодолевать невозможное.

И трудно представить, глядя на эту хрупкую женщину, откуда в ней столько титанической воли, огромной внутренней силы, не давшей покориться судьбе, способной сохранить доброту и нежность, пронести через горести и неудачи свет оптимизма и дарить его людям.

Хотя далеко не все желания балерины сбылись, а возможности воплотились, в ее искусстве нет ностальгии по несбывшемуся, по ролям, ускользнувшим безвозвратно. Это ощущаем только мы, зрители, мысленно расширяя границы созданного балериной. Но и создано немало. Здесь упомянуты лишь самые значительные роли. К ним еще нужно отнести Марию, Джульетту, Золушку, принцессу Флорину, не так часто исполнявшиеся, как этого хотелось бы.

Своеобразие таланта Аллы Сизовой — в особом складе ее натуры. Доброта и женственность, чисто русская скромность души, тонкий лиризм составляют богатство внутренней жизни образов, силу обаяния ее искусства.

Т. КУЗОВЛЕВА,
театрвед